

ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАНЫХ НЕЙРОСЕТЯМИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ребицкая Е.В.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

Широкое распространение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в свободном доступе трансформировало их из узкопрофессионального инструмента в элемент массового потребления, что неизбежно повлекло за собой новые правовые вызовы. Активное применение нейросетей уже влияет на существующую систему авторского права ввиду наличия правовой неопределенности в квалификации субъекта такого произведения искусства или литературы. Вопрос об авторстве тесно связан с правосубъектностью искусственного интеллекта и поэтому выходит за рамки права интеллектуальной собственности и затрагивает также международное право.

Примечательно, что теоретическое осмысление правосубъектности искусственного интеллекта и вопросов ответственности за его действия имеет глубокие корни и восходит к середине XX века. Фундаментальные основы в данной сфере были заложены в трудах таких исследователей, как Г.Н. Андреева, Т.А. Гаврилова, А.А. Жданов, В.А. Лаптев и Джорджио Францешелли. Однако в последнее пятилетие вектор научных изысканий сместился в сторону специфики нарушения авторских прав при генерации контента нейросетями. Аспекты данной проблематики нашли отражение в работах Р.Р. Сафина, К.А. Маскина, В.Н. Сильниковой, О.В. Ревинского, Ю.С. Харитоновой и Я. Ихалайнена. Вместе с тем, анализ белорусской юридической доктрины свидетельствует о фактическом отсутствии комплексных исследований, посвященных правовому статусу нейросетей и их влиянию на институт авторского права, что обуславливает необходимость настоящего исследования.

Стремительное развитие генеративных нейросетей, способных создавать сложные произведения литературы и искусства, имитируя стили человеческого творчества, поставило перед международным сообществом фундаментальный вопрос: какова юридическая природа объектов, созданных искусственным интеллектом, и каковы пределы использования произведений человека для «обучения» этих систем? Как справедливо отмечает А.В. Чайкина, «сбор и обработка таких данных часто включают использование объектов, охраняемых авторским правом, что порождает комплексные юридические вопросы» [1, с. 224].

Любопытно мнение доктора юридических наук, доцента кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, В.А. Лаптева, который считает, что в рамках правового регулирования в среднесрочной перспективе искусственный интеллект приобретет правосубъектность и будет выступать полноценным участником правоотношений. А в долгосрочной перспективе правосубъектность будет существовать у искусственного интеллекта уже в виртуальном (цифровом) пространстве, в отрыве от материального мира [2, с. 84]. На наш взгляд, данная концепция является дискуссионной. Ставя нейросеть на один уровень с физическим лицом, закономерно возникает вопрос ее правового статуса как в рамках международного, так и национального права.

В 2025 году в рамках компетенции ВОИС был реализован проект «WIPO Conversation on IP and AI», направленный на выявление глобальных тенденций регулирования искусственного интеллекта. Анализ материалов дискуссии демонстрирует отсутствие единообразия в позициях стран-участниц. Доминирующая доктрина склоняется к достаточности существующих институтов ИС при условии ограничения субъектности авторского права исключительно физическими лицами. Однако констатируется потребность в законодательных модификациях применительно к объектам, созданным при незначительном участии человека, что требует дальнейшего осмысления в контексте критерия оригинальности.

В настоящее время в международной практике сформировались два подхода касательно правового статуса нейросетей, которые условно можно обозначить как «американский» и «европейский». В Соединенных Штатах ключевым инструментом балансировки интересов выступает доктрина «добросовестного использования» (fair use), закрепленная в § 107 Закона об авторском праве США. Данная норма представляет собой гибкий правовой механизм, допускающий использование охраняемых произведений без разрешения правообладателя при определенных обстоятельствах, что балансирует интересы авторов и общественные потребности в доступе к знаниям и культуре.

В Европейском Союзе регулирование взаимосвязи интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта институционализировано на уровне вторичного права. Фундаментом данной системы стала Директива (ЕС) 2019/790 об авторском праве на едином цифровом рынке (CDSMD), которая возлагает на провайдеров моделей общего назначения (GPAI) императивную обязанность соблюдать оговорки об отказе от прав (opt-out), выраженные правообладателями.

Среди ученых постсоветского пространства также наблюдается двойственное отношение к рассматриваемой проблеме. Согласно первой концепции, искусственному интеллекту следует придать статус субъекта авторского права, поскольку именно он выступает непосредственным создателем результата интеллектуальной деятельности. Данную позицию отстаивают К.А. Маскин и Р.Р. Сафин [3, с. 158], аргументируя ее тем,

что участие пользователя носит лишь опосредованный характер, тогда как творческий акт реализуется автономно нейросетью в ходе обработки данных обучения.

Альтернативную позицию занимают В.Н. Сильникова и О.В. Ревинский [4, с. 26], которые отрицают возможность наделения нейросетей правосубъектностью ввиду отсутствия у искусственного интеллекта правоспособности. Согласно их концепции, субъектом авторского права следует признавать либо разработчика алгоритма (юридическое лицо), либо пользователя, чьи действия послужили основанием для генерации произведения. Авторы настоящего исследования солидарны с данным подходом, поскольку он сохраняет антропоцентричную природу института авторского права и соответствует сложившейся системе правоотношений в области интеллектуальной собственности.

Следует отметить, что согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», автором признается физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение [5]. Аналогичный подход закреплен и в ст. 2 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (1886 г.) [6], которая, хотя и не содержит прямого определения автора, в совокупности с национальными законами стран-участниц подразумевает человеческое происхождение творчества. Следовательно, в настоящее время Республика Беларусь на законодательном уровне придерживается подхода, отрицающего наделение нейросетей самостоятельной правосубъектностью. Вместе с тем, существующая правовая неопределенность в отношении объектов, созданных при минимальном и опосредованном участии человека, а также вопросов использования охраняемых произведений для обучения нейросетей, требует системного законодательного реагирования.

Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным внести в Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» термин «генеративный искусственный интеллект (ИИ)», а также дополнить законодательство нормой, согласно которой результат, сгенерированный нейросетью без творческого вклада пользователя (непосредственно повлиявшего на оригинальность произведения), не признается объектом авторского права.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что активное внедрение генеративных нейросетей в сферу творческой деятельности актуализировало проблему пересмотра устоявшихся институтов авторского права. Как показал анализ международной практики, в настоящее время отсутствует единообразный подход к определению правового статуса объектов, созданных искусственным интеллектом. В научной доктрине сформировались две противоположные концепции: одни исследователи обосновывают необходимость наделения нейросетей правосубъектностью, другие – последовательно отстаивают сохранение антропоцентричной природы авторского права. Анализ белорусского законодательства и сложившейся правоприменительной практики свидетельствует

о приверженности Республики Беларусь традиционному подходу. Учитывая изложенное, ключевым направлением развития белорусского национального правового регулирования должно стать не надделение искусственного интеллекта статусом субъекта авторского права, а формирование четких механизмов, позволяющих разграничивать творческий вклад человека и автономную генерацию нейросети, а также разработка терминологии, позволяющей определять правовой статус продуктов интеллектуальной собственности, созданных с помощью нейросетей.

Список использованных источников:

1. Чайкина, А.В. Некоторые вопросы использования авторского контента в обучении моделей искусственного интеллекта / А.В. Чайкина // Диалог публичного и частного права: проблемы взаимодействия: сборник статей научно-практической конференции с международным участием, 11 декабря 2025 года. – Минск: БГЭУ, 2026. – С. 224-227.
2. Лаптев, В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А.Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – Москва, 2019. – № 2. – С. 82-87.
3. Сафин, Р.Р. Правовое регулирование объектов авторского права, созданных с использованием «нейросети» / Р.Р. Сафин, К.А. Маскин // Правовое регулирование интеллектуальной собственности и инновационной деятельности: сб. статей научно-методологического семинара / Всероссийский государственный университет юстиции; под ред. О.В. Сушковой. – Москва, 2018. – С.157-160.
4. Синельникова, В.Н. Права на результаты искусственного интеллекта» / В.Н. Синельникова, О.В. Ревинский // Копирайт. Вестник российской академии интеллектуальной собственности и российского авторского общества. – Москва, 2017. – № 4. – С. 24-30.
5. Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь, 17.05.2011 № 262-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2023 № 243-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).
6. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886г.: в ред. от 2 октября 1979 г. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=6348> (дата обращения: 07.04.2026).

**ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ДИСТАНЦИОННЫМ РАБОТНИКОМ:
БАЛАНС МЕЖДУ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ И ПРИВАТНОСТЬЮ**

Редикульцева Е.Н.,

*заведующий кафедрой трудового и социального права
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров,
кандидат юридических наук, доцент*

Чеглакова В.А.,

*студентка ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров,
направление подготовки «40.04.01 Юриспруденция»*

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена активным развитием удаленной занятости. Цель статьи – выявление правовых пределов допустимого цифрового контроля за дистанционным сотрудником